

СВЕТЛАНА КОБЕЦ

ВОЗВРАЩЕНИЕ *Домой*

*История никогда не закончится...
потому что это время...
время с Богом.*

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Светлана Кобец

Возвращение Домой

<https://litres.ru/74137522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Возвращение Домой — это история, которая начинается на Ленинградском вокзале, а заканчивается... никогда.

Потому что настоящая дорога к Богу не имеет последней страницы.

Несколько дней, проведённых в древней Псково-Печерской обители, становятся путешествием не только через монастырские стены, пещеры, молитву, послушания и встречи с удивительными людьми, но и дорогой к самому главному — к Дому, где человек перестаёт чувствовать себя сиротой.

Это книга о живом православии, увиденном не глазами экскурсанта, а сердцем. О простых чудесах, которые происходят без громких слов. О монастырском хлебе, чашке горячего чая, доброй улыбке, молитве, тишине и той любви, которая умеет ждать.

Иногда достаточно всего одного шага, чтобы понять: Господь давно идёт рядом.

И тогда возвращение становится не окончанием пути, а началом новой жизни.

Содержание

...и вот однажды...	4
Предисловие	5
Москва. Ленинградский вокзал	8
Рассвет	14
Земля, которая умеет ждать	20
Врата	25
Встреча	30
Корнилий	35
Лампадка	39
Урок	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Возвращение Домой

...и вот однажды...

Предисловие

Есть дороги, которые измеряются километрами.

Есть дороги, которые измеряются годами.

А есть такие, которые невозможно измерить ничем.

Потому что проходят они не по земле, а через человеческое сердце.

Эта книга родилась не из желания рассказать о паломничестве и не из стремления описать один из самых известных монастырей России.

Она родилась из благодарности.

За встречи.

За людей.

За молитву.

За хлеб, испечённый с любовью.

За тишину, которая умеет говорить.

За время, которое вдруг перестаёт торопиться.

Каждый человек однажды отправляется в путь.

Кто-то едет за впечатлениями.

Кто-то — за ответами.

Кто-то — просто потому, что так сложились обстоятельства.

Но иногда оказывается, что Господь давно приготовил для нас совсем другую дорогу.

Ту, по которой мы возвращаемся не к новым местам, а к

самим себе.

И, может быть, впервые понимаем, что всю жизнь искали нечто очень простое.

Дом.

Не дом из кирпича и дерева.

Не тот, что обозначен на карте.

А тот, где тебя не спрашивают, достоин ли ты любви.

Где не нужно ничего доказывать.

Где можно наконец перестать быть сильным.

Где тебя давно ждут.

Эта книга не торопится.

Она идёт тем шагом, которым идут по монастырской дорожке, стараясь не нарушить тишину.

В ней почти нет необыкновенных событий.

Нет громких чудес.

Нет поучений.

Есть поезд.

Рассвет.

Древние стены.

Пещеры.

Запах свежеиспечённого хлеба.

Чашка горячего чая.

Добрые люди, которые появляются в нашей жизни так же тихо, как ангелы.

И есть то, что невозможно увидеть глазами, но однажды начинает узнавать сердце.

Наверное, поэтому мне хотелось написать эту книгу так, чтобы в ней не было ничего придуманного.

Не сделать красивее.

Не сделать важнее.

Не украсить.

А просто бережно сохранить то, что было подарено.

Как сохраняют в ладонях огонёк свечи, стараясь не загасить его ветром.

Если, закрыв последнюю страницу, вам вдруг захочется не спешить...

Если вы позвоните человеку, по которому давно скучали...

Если крепче обнимете своих детей...

Если в самый обычный день тихо скажете Богу: «Спасибо»...

Значит, эта дорога была пройдена не напрасно.

Пусть каждый, кто откроет эту книгу, унесёт с собой именно то, что сможет вместить.

Как уносят из святой обители не только воспоминания, но и мир, который поселяется в сердце.

И, может быть, однажды, когда жизненный ветер снова изменит маршруты, вы узнаете этот путь.

Потому что это не дорога в монастырь.

Это...

Возвращение Домой.

Москва. Ленинградский вокзал

Москва никогда не спит.

Даже глубокой ночью она продолжает жить своей особенной жизнью.

Где-то ещё горят окна высоток.

Кто-то торопится в аэропорт.

Кто-то возвращается домой после долгого рабочего дня.

По Садовому кольцу неторопливо скользят редкие автомобили.

На перронах вокзалов встречают и провожают.

Кто-то плачет.

Кто-то смеётся.

Кто-то обещает обязательно позвонить.

И кажется, будто весь огромный город соткан из бесконечных дорог.

Каждая ведёт куда-то.

Но далеко не каждая приводит человека туда, где его давно ждут.

Ленинградский вокзал жил своей привычной жизнью.

По громкой связи объявляли отправление поездов.

Катились чемоданы.

Пахло свежесваренным кофе и горячими пирожками.

Мальчишка лет десяти крепко держал отца за руку и с восторгом рассматривал длинный поезд.

Пожилая женщина, присев на скамью, негромко читала вечернее правило.

Молодая девушка торопливо отвечала на последние сообщения в телефоне.

Жизнь спешила.

Как всегда.

Наверное, так было и сто лет назад.

Только вместо телефонов были письма.

Вместо электронных табло — вокзальные часы.

А человеческие сердца оставались такими же.

Они всё так же надеялись.

Любили.

Боялись.

Ждали.

Я люблю вокзалы.

Не за шум.

Не за дороги.

И даже не за поезда.

Мне всегда казалось, что именно здесь человек становится немного честнее.

В дороге редко говорят о должностях.

Почти никогда не спрашивают, сколько ты зарабатываешь.

Здесь почему-то легко начинают рассказывать о самом главном.

О детях.

О родителях.

О первой любви.

О боли.

О надежде.

Наверное, потому, что дорога умеет слушать.

Наш поезд уже стоял у платформы.

Совсем скоро он отправится на северо-запад.

Туда, где среди древних холмов уже более пятисот лет стоит Псково-Печерская обитель.

Но сейчас никто из пассажиров ещё не думает о монастыре.

Кто-то переживает, выключил ли дома утюг.

Кто-то мысленно заканчивает рабочий день.

Кто-то строит планы на отпуск.

Кто-то просто хочет выспаться.

Каждый везёт с собой свой мир.

Свои тревоги.

Свои вопросы.

Свои маленькие победы и поражения.

И никто ещё не знает, что через несколько часов многое начнёт меняться.

Не сразу.

Почти незаметно.

Как меняется ночь перед рассветом.

В нашем купе было четверо.

Пожилой мужчина с удивительно добрыми глазами.

Молодая актриса — это стало понятно чуть позже, когда она, смеясь, рассказывала о репетициях.

Высокий мужчина лет сорока пяти, который представился инженером.

И я.

Проводница принесла чай.

Настоящий.

В гранёных стаканах.

С тяжёлыми металлическими подстаканниками.

Почему-то именно такой чай всегда кажется особенно вкусным.

Наверное, потому что он пахнет дорогой.

Некоторое время все молчали.

Каждый думал о своём.

За окном медленно поплыли огни Москвы.

Поезд мягко тронулся.

И вдруг пожилой мужчина негромко спросил:

— Простите... А вы тоже в Печоры?

Мы улыбнулись.

Оказалось — все.

На несколько секунд снова наступила тишина.

А потом инженер неожиданно сказал:

— Никогда раньше не понимал, зачем люди ездят в монастыри. Если честно... и сейчас не понимаю. Можно ведь и дома помолиться...

Пожилой мужчина посмотрел в окно.

Помолчал.

И тихо ответил:

— Конечно, можно... Только иногда Господь ждёт человека не потому, что дома Он его не слышит. А потому, что человеку самому нужно выйти из дома.

Эти слова прозвучали так просто, что никто не стал спорить.

Поезд уже набирал скорость.

За окнами исчезала Москва.

А впереди нас ждала дорога.

Та самая, о которой невозможно рассказать по карте.

Потому что расстояние от Москвы до Печор измеряется километрами.

А расстояние от человека до самого себя...

У каждого своё.

Я посмотрела в окно.

Город постепенно растворялся в темноте.

И вдруг подумала, что мы слишком долго собираем в жизни ненужные вещи.

Бережём их.

Переставляем с места на место.

Иногда даже гордимся ими.

А душа тем временем продолжает искать совсем другое.

И, может быть, именно поэтому каким-то неведомым ветром нас однажды заносит в святую обитель.

Не случайно.

Не по расписанию.

А потому, что Господь умеет приглашать очень тихо.

Так тихо, что человек принимает Его приглашение за собственное решение.

Поезд уходил всё дальше от Москвы.

А мне вдруг показалось, что настоящее путешествие уже началось.

И совсем не за окном.

Оно начиналось внутри каждого из нас.

Рассвет

Ночь в поезде всегда короче обычной.

Наверное, потому, что дорога не спит.

Проснулась я ещё до рассвета.

В купе было тихо.

Поезд всё так же мягко покачивался, словно баюкал каждого своей размеренной дорогой.

Я осторожно спустилась с верхней полки, чтобы никого не разбудить.

За окном уже угадывались очертания леса.

Небо ещё не стало светлым, но ночь постепенно уступала место новому дню.

Есть удивительная минута перед рассветом.

Она похожа на человеческую жизнь.

Кажется, что вокруг ещё темно.

Но свет уже победил.

Просто его пока не видно.

Наверное, именно поэтому Господь так часто приходит к человеку тихо.

Не ломая дверей.

Не ослепляя чудесами.

А как первый луч солнца.

Ещё почти незаметный.

Но уже настоящий.

В коридоре никого не было.

Только проводница тихонько протирала окно.

Она улыбнулась.

— Доброе утро.

— Доброе...

— Не спится?

Я улыбнулась.

— Наверное... слишком интересно.

Она понимающе кивнула.

— Многие так едут в первый раз.

Потом, словно продолжая собственную мысль, добавила:

— А обратно возвращаются уже совсем другими...

Она сказала это так просто, будто речь шла о погоде.

Наверное, и сама не подозревала, что произнесла одну из самых важных фраз нашего путешествия.

Вскоре проснулись и мои попутчики.

Поезд уже подходил к Пскову.

За окном всё чаще появлялись небольшие деревни.

Деревянные дома.

Поля, укутанные лёгким утренним туманом.

Белые берёзы.

Каждый раз, когда я вижу русское утро, мне кажется, что Господь начинает новый день особенно бережно.

Без громких красок.

Без лишних слов.

Как мама ночью поправляет одеяло своему ребёнку.

Так и рассвет касается земли.

— Красиво... — тихо сказала девушка.

Она уже достала маленький блокнот и что-то быстро зарисовывала.

Я заглянула.

Несколько штрихов.

Немного света.

Несколько линий.

А утро уже было.

— Вы художник? — спросила я.

Она улыбнулась.

— Скорее ищу себя.

Эти слова прозвучали так знакомо.

Наверное, каждый человек хоть раз в жизни произносил их.

Или хотя бы думал.

Ищу себя...

Станные слова.

Будто мы когда-то потерялись.

И теперь ходим по свету, надеясь однажды случайно встретить самого себя.

Я тогда только улыбнулась.

Инженер долго смотрел в окно.

Потом неожиданно сказал:

— Представляете... впервые за много лет мне не хочется открывать ноутбук.

Мы рассмеялись.

— Это хороший признак, — заметил пожилой мужчина.

— Думаете?

— Уверен.

Иногда человеку обязательно нужно перестать что-то производить.

Чтобы наконец начать жить.

Инженер ничего не ответил.

Но было видно, что эти слова он услышал.

Я поймала себя на том, что совсем не думаю о Москве.

Ещё вчера казалось важным ответить на письма.

Закончить дела.

Позвонить.

Что-то не забыть.

А сегодня всё это словно осталось в другой жизни.

Не исчезло.

Просто стало на своё место.

Наверное, так и приходит порядок.

Когда главное перестаёт уступать место второстепенному.

Пожилой мужчина достал из сумки маленькую книгу.

Совсем старенькую.

С потёртой обложкой.

Он бережно провёл ладонью по её страницам.

— Это Псалтирь моего отца.

Он всегда брал её в дорогу.

Теперь беру я.

Я ничего не сказала.

Только подумала, что у каждого человека есть вещи, которые невозможно купить.

И невозможно заменить.

Их можно только принять.

Как благословение.

Как память.

Как любовь.

Поезд замедлил ход.

— Скоро Псков, — объявила проводница.

Все невольно посмотрели в окна.

Никто не говорил.

Иногда ожидание бывает красноречивее разговоров.

Поезд мягко остановился.

Двери открылись.

Свежий псковский воздух словно вошёл в вагон раньше нас.

Мы взяли вещи.

Пожилой мужчина перекрестился.

Инженер глубоко вдохнул.

Девушка уже оглядывалась по сторонам, словно искала будущие рисунки.

А я...

Я вдруг почувствовала удивительное спокойствие.

Такое бывает очень редко.

Когда ещё ничего не произошло.

Но сердце уже знает то, чего разум пока объяснить не может.

Мы вышли на перрон.

Наше паломничество только начиналось.

И тогда никто из нас ещё не знал, сколько всего Господь приготовил впереди.

Земля, которая умеет ждать

Поезд остался позади.

Мы ехали по дороге, которая неспешно уходила среди полей и сосновых лесов.

Удивительно...

Есть дороги, которые хочется проехать быстрее.

А есть такие, где вдруг перестаёшь смотреть на часы.

Кажется, будто сама земля тихо говорит:

— Не спеши...

Я хочу познакомиться с тобой.

Псковская земля совсем не похожа на ту, которая любит удивлять.

Здесь нет высоких гор.

Нет шумных водопадов.

Нет ярких красок юга.

Она не старается понравиться.

Она просто живёт.

Так живут мудрые старики.

Им уже не нужно никому ничего доказывать.

Они знают цену времени.

И цену тишины.

Наверное, поэтому здесь так легко дышится.

Автобус плавно покачивался на поворотах.

За окном проплывали маленькие деревни.

Старые колодцы.

Покосившиеся изгороди.

Белые ромашки вдоль дороги.

Где-то на лугу спокойно паслись коровы.

И вдруг мне подумалось...

Как мало человеку нужно для мира.

Не для счастья.

Именно для мира.

Иногда достаточно запаха нагретой солнцем травы.

Голоса кукушки.

Или тонкой берёзки, склонившейся над дорогой.

Мы часто ищем покой в далёких странах.

А он тихонько сидит на старой деревянной скамейке возле русского дома.

И ждёт.

Когда мы перестанем бежать.

— Посмотрите... аисты...

Девушка первой заметила большое гнездо на старом столбе.

Две белые птицы спокойно стояли рядом.

Инженер улыбнулся.

— Вот настоящие хозяева этих мест.

Пожилой мужчина тихо сказал:

— Нет...

Настоящая Хозяйка здесь другая...

Он не договорил.

И никто не стал спрашивать.

Потому что каждому стало понятно, о Ком он говорит.

Есть имена, которые не нуждаются в объяснениях.

Есть удивительная особенность у русских монастырей.

Они никогда не кажутся случайными.

Словно сама земля долго готовит для них место.

Так было и здесь.

Задолго до того, как преподобный Иона выкопал в песчаном холме храм Успения Пресвятой Богородицы, сама природа словно приготовила для него колыбель.

Песчаные горы.

Тихий овраг.

Лес.

Родники.

Пещеры.

Будто Господь сначала создал место.

А человеку осталось только увидеть то, что уже было приготовлено.

Наверное, поэтому монастырь невозможно представить где-нибудь ещё.

Он словно вырос из этой земли.

Как старая сосна.

Мы ещё не видели древних стен.

Не слышали колокольного звона.

Не входили в пещеры.

Но что-то уже происходило.

Очень тихо.

Почти незаметно.

Будто внутри становилось просторнее.

Словно кто-то осторожно открывал давно закрытое окно.

И свежий воздух входил в душу.

Иногда мне кажется, что Господь никогда не торопит человека.

Это мы всё время говорим:

«Пора.»

«Нужно успеть.»

«Нельзя опоздать.»

А Он просто идёт рядом.

Тем шагом, которым умеет идти только любовь.

Она никого не догоняет.

И никого не оставляет.

Она умеет ждать.

Дорога сделала ещё один плавный поворот.

И вдруг далеко впереди, между вершинами сосен, на мгновение вспыхнул золотой крест.

Совсем маленький.

Он тут же исчез.

Будто показался.

— Видели?.. — тихо выдохнула девушка.

Никто не ответил.

Потому что увидели все.

И у каждого в эту секунду произошло что-то своё.

Кто-то просто заметил монастырь.

Кто-то почувствовал радость.

Кто-то — благоговение.

А кто-то ещё не понял, почему вдруг стало так тепло.

Путь никогда не открывает всё сразу.

Он только чуть-чуть приоткрывает дверь.

Ровно настолько, насколько человек готов сделать следующий шаг.

Автобус продолжал ехать вперёд.

Я смотрела в окно.

И вдруг вспомнила маму.

Когда в детстве мне бывало страшно, она тихо говорила:
— Не бойся.

Я рядом.

Странно...

Иногда одно детское воспоминание объясняет гораздо больше, чем долгие рассуждения.

Мы ещё не видели монастыря.

Он был где-то впереди.

Но уже появилось чувство, которое невозможно ни с чем перепутать.

Будто тебя давно ждут.

И рады именно тебе.

Таким, какой ты есть.

Врата

Автобус остановился.

Водитель негромко сказал:

— Приехали...

Никто не поднялся сразу.

Странно...

Ещё вчера казалось, что именно этого мгновения все так ждали.

Но когда оно наконец наступило, захотелось почему-то немного помолчать.

Наверное, сердце всегда приходит чуть позже человека.

Мы вышли.

Воздух оказался совсем другим.

Нет, он был таким же июльским.

Так же пах сосной.

Травой.

Нагретой землёй.

И всё же в нём было что-то трудноуловимое.

Будто сама тишина имеет запах.

Мы медленно пошли по дороге.

Никто не договаривался идти рядом.

Так получилось само собой.

Путь уже начинал вести нас по-своему.

И вдруг...

За поворотом открылись монастырские стены.

Они не поражали величием.

Не подавляли.

Не стремились показать свою древность.

Они стояли спокойно.

Так стоят люди, которым давно уже ничего не нужно доказывать.

Я поймала себя на неожиданной мысли.

Наверное, именно так выглядит вера.

Она не спорит.

Не кричит.

Не убеждает.

Она просто есть.

— Совсем не такой... — тихо сказала девушка.

Никто не спросил:

— Какой?

Потому что каждый мысленно продолжил её слова по-своему.

Не такой, как представлялся.

Не такой, как на фотографиях.

Не такой, как в фильмах.

Настоящий.

Перед Святыми вратами мы остановились.

Совсем ненадолго.

И вдруг я вспомнила старую русскую традицию.

Входя в монастырь, люди снимали шапку.

Крестились.

И только потом переступали порог.

Не потому, что так было положено.

А потому, что понимали:

дом начинается с уважения.

Я посмотрела на древние стены.

Пять с половиной веков...

Сколько человеческих судеб прошло через эти ворота?

Сколько счастливых встреч?

Сколько слёз?

Сколько благодарностей?

Сколько последних надежд?

Наверное, никто этого уже не сосчитает.

Но сами ворота всё помнят.

Есть удивительная особенность у православных монастырей.

Они никогда не спрашивают человека:

«Кто ты?»

Богатый?

Бедный?

Известный?

Забытый?

Верующий?

Сомневающийся?

Уставший?

Сильный?

Они словно говорят совсем другое:

— Входи...

А всё остальное Господь знает Сам.

Мы ещё не вошли.

Но путь уже изменился.

До сих пор он был дорогой.

Теперь становился встречей.

Над Святыми вратами тихо сиял образ Божией Матери.

Я подняла глаза.

Сколько раз я видела эту икону раньше.

Сколько раз проходила мимо.

Но сейчас почему-то долго не могла отвести взгляд.

Было удивительное чувство.

Будто тебя встретили.

Без вопросов.

Без объяснений.

Без необходимости кем-то казаться.

Так встречают дома.

Пожилой мужчина медленно перекрестился.

Инженер долго смотрел на стены.

Девушка что-то записала в свой маленький блокнот.

Потом закрыла его.

И впервые за всю дорогу больше не открывала.

Мы молчали.

У каждого внутри происходило что-то своё.

Без слов.

Без объяснений.

Как первый луч солнца ещё не становится днём.

Но уже побеждает ночь.

Мы переступили порог.

И никто из нас тогда ещё не знал, что за этими стенами нас ждут люди, встречи, послушания, радости, открытия...

Мы просто вошли.

А монастырь тихо принял нас.

Как принимает дом тех, кого давно ждали.

Встреча

Мы вошли в монастырь.

Странно...

Никто не ускорил шаг.

Хотя впереди было столько всего, что хотелось увидеть.

Наверное, древние монастыри обладают удивительным даром.

Они умеют изменить скорость человеческого сердца.

Перед нами открывался совсем другой мир.

Каменные дорожки.

Белые стены.

Цветы.

Колокольня.

Монахи, неспешно проходящие по своим делам.

Паломники.

Дети.

И удивительное чувство, будто всё здесь находится именно там, где должно быть.

Я никогда не любила слово «атмосфера».

Оно слишком лёгкое для таких мест.

Здесь было что-то другое.

Присутствие.

Тихое.

Почти неуловимое.

Но очень настоящее.

— Смотрите...

Пожилой мужчина едва заметно кивнул вперёд.

Перед нами, словно вырастая из самой горы, открывался Успенский храм.

Он совсем не похож на большинство православных храмов.

Мы привыкли видеть храмы, устремлённые вверх.

Купола.

Высокие своды.

Широкие площади.

А здесь всё иначе.

Этот храм словно не возвышается над землёй.

Он живёт внутри неё.

И первое впечатление оказывается неожиданным.

Не ты поднимаешься к святыне.

Она выходит тебе навстречу.

История этого места началась задолго до крепостных стен.

Задолго до знаменитых башен.

Задолго до многолюдных паломничеств.

Во второй половине XV века сюда пришёл священник Иоанн вместе со своей супругой Марией.

Позже Мария примет монашество с именем Васса.

Её земная жизнь окажется совсем недолгой.

Но именно после её кончины люди впервые заговорят о необыкновенной судьбе этих пещер.

После смерти преподобной Вассы её гроб несколько раз оказывался не под землёй, а на поверхности.

Каждый объясняет это по-своему.

Но именно с тех пор эти пещеры перестали быть просто пещерами.

Здесь уже начиналась история монастыря.

После кончины супруги отец Иоанн принимает монашеский постриг.

Теперь его зовут Иона.

Именно ему Господь благословил создать первый храм будущей обители.

Вернее...

Не построить.

А открыть.

Потому что храм не возводили.

Его осторожно вырубали прямо в песчаном холме.

Шаг за шагом.

С молитвой.

Так появился Успенский храм.

И если внимательно посмотреть на него сегодня, кажется, будто он вырос вместе с самой горой.

Не покорила её.

Не изменил.

А стал её частью.

Мы подошли ближе.

И вдруг мне захотелось снять с души всю дорожную пыль.

Не с обуви.

Не с одежды.

А именно с души.

Как будто сердце само понимало:

сюда нельзя входить с суетой.

Она просто остаётся где-то за дверью.

В храме было прохладно.

Полумрак мягко скрывал стены.

Горели лампы.

Пахло воском.

Ладаном.

И молитвой.

Да...

Наверное, молитва тоже имеет свой запах.

Если её возносят здесь уже более пяти столетий.

Перед чудотворным образом Успения Пресвятой Богородицы мы остановились почти одновременно.

Никто ничего не говорил.

История знает многое об этой святыне.

Сколько поколений людей приходило сюда со своей болью.

Со своей благодарностью.

Со своей надеждой.

Но сейчас всё это почему-то отступило.

Осталась только тишина.

И взгляд.

Я долго смотрела на икону.
Ничего не просила.
Ни о чём не думала.
Просто стояла.
И почему-то было очень спокойно.
Мы ещё долго молчали.
Каждый со своей молитвой.
Со своей благодарностью.
Со своей тишиной.
А потом так же молча вышли из храма.

Корнилий

Мы не успели сделать и нескольких шагов, как пожилой мужчина вдруг остановился.

— Давайте сначала к преподобномученику Корнилию, — тихо сказал он. — Всегда сначала к хозяину дома здороваются.

Никто не стал спрашивать почему.

Это прозвучало так естественно, словно речь шла о хорошем знакомом, который просто живёт здесь уже много лет.

Мы свернули с дорожки и подошли к небольшой часовне.

Она не поражала размерами.

Не привлекала к себе внимания.

Всё было очень просто.

Именно поэтому хотелось остановиться.

Внутри тихо горели лампы.

Несколько человек молились.

Кто-то прикладывался к раке.

Кто-то просто стоял, опустив голову.

Мы тоже подошли.

Каждый по-своему.

Без очереди.

Без суеты.

Без желания успеть.

Пожилой мужчина перекрестился и совсем тихо произ-

нёс:

— Здравствуй, батюшка Корнилий.

Меня почему-то тронули именно эти слова.

Не «святой».

Не «преподобномученик».

Не длинная молитва.

А простое человеческое:

— Здравствуй...

Так здороваются, когда приходят домой.

И вдруг я подумала: наверное, святые действительно живы.

Иначе с ними не здоровались бы так просто.

Мы ещё молчали, когда рядом с нами остановился пожилой монах.

Он никуда не спешил.

Посмотрел на нас внимательно.

Улыбнулся.

— Первый раз?

Мы дружно кивнули.

— Тогда сначала познакомьтесь.

Он ласково коснулся рукой раки.

— Это наш игумен Корнилий.

Пятьсот лет прошло...

А он и сейчас монастырём управляет.

Мы невольно улыбнулись.

Монах улыбнулся в ответ.

— Не удивляйтесь.

У Бога ведь все живы.

Эти слова были сказаны так спокойно, будто речь шла о человеке, которого только что встретили на дорожке.

Никто не спорил.

Потому что здесь это звучало совершенно естественно.

Монах немного помолчал.

Потом продолжил:

— Многие знают, что преподобномученик Корнилий много сделал для монастыря.

Стены строил.

Храмы.

Книги переписывал.

Братию собирал.

Но больше всего он любил людей.

Наверное, поэтому люди до сих пор идут к нему.

Любовь ведь времени не боится.

Он снова ненадолго замолчал.

— А погиб он совсем рядом.

От руки царя Иоанна Грозного.

Царь потом сам нёс его тело к Успенскому храму.

Дорожку эту и сейчас называют Кровавой.

Ещё увидите.

Мы переглянулись.

История вдруг перестала быть страницей учебника.

Она стала чьей-то жизнью.

И чьей-то любовью.

Мы ещё раз приложились к раке.

Я ничего не просила.

Только тихо сказала про себя:

— Благословите.

Почему именно так — не знаю.

Наверное, потому что первое знакомство не начинают с просьб.

Сначала здороваются.

Монастырь жил своей обычной жизнью.

Кто-то спешил на послушание.

Кто-то нёс цветы.

Кто-то вёз тележку с хлебом.

Колокола негромко перекликались над стенами.

И было удивительное чувство.

Мы приехали всего несколько минут назад.

А нас уже успели познакомить с человеком, который живёт здесь почти пять с половиной столетий.

И почему-то это совсем не казалось странным.

У Бога действительно все живы.

Лампадка

От преподобномученика Корнилия мы вышли молча.

Наше внимание привлёк монах.

В руках у него была маленькая лампадка.

Самая обыкновенная.

Такие горят почти в каждом храме.

Он подошёл к иконе Успения Божией Матери.

Поправил фитилёк.

Немного подлил масла.

Бережно прикрыл стекло ладонью от лёгкого ветерка.

Потом зажёг от неё другую лампадку.

Постоял несколько секунд.

Перекрестился.

И неторопливо вышел из храма.

Мы проводили его взглядом.

— Куда он? — тихо спросила девушка.

Пожилой мужчина улыбнулся.

— В пекарню.

— Зачем?

— Печь будут растапливать.

От этой лампадки.

Девушка удивлённо посмотрела сначала на него, потом
вслед монаху.

— Всегда?

— Всегда.

Я тоже смотрела на маленький огонек лампадки у иконы.
Совсем крошечный.

Такой беззащитный.

Но почему-то казалось, что именно он сейчас несёт всему
монастырю что-то очень большое.

Мы ещё долго молчали.

А потом инженер неожиданно сказал:

— Значит...

Хлеб начинается с молитвы...

Пожилой мужчина кивнул.

— А как же иначе?

Хлеб наш — насущный.

Монах где-то нес огонек своего послушания.

А мне вдруг подумалось...

Наверное, так и должна жить человеческая душа.

Не вспыхивать ярким костром.

Не ослеплять.

А тихо гореть.

Чтобы от неё можно было зажечь ещё один огонёк.

И ещё.

И ещё.

И чтобы своего света от этого не становилось меньше.

Мы медленно пошли дальше по храму.

Солнце уже поднялось над монастырём.

Где-то высоко перекликались колокола.

А внизу, в монастырской пекарне, наверное, уже разгорался огонь.

Тот самый.

Который только что принесли от лампадки у иконы Успения.

Мы тогда ещё не знали, что через несколько дней именно этот хлеб станет для каждого из нас чем-то гораздо большим, чем просто монастырский хлеб.

Всему своё время.

Урок

Мы всё ещё оставались в Успенском храме.

Не хотелось торопиться.

Каждый уголок словно жил своей жизнью.

Где-то тихо молились люди.

Кто-то прикладывался к святыням.

Где-то едва слышно потрескивали свечи.

Лампадки горели ровным, спокойным светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.